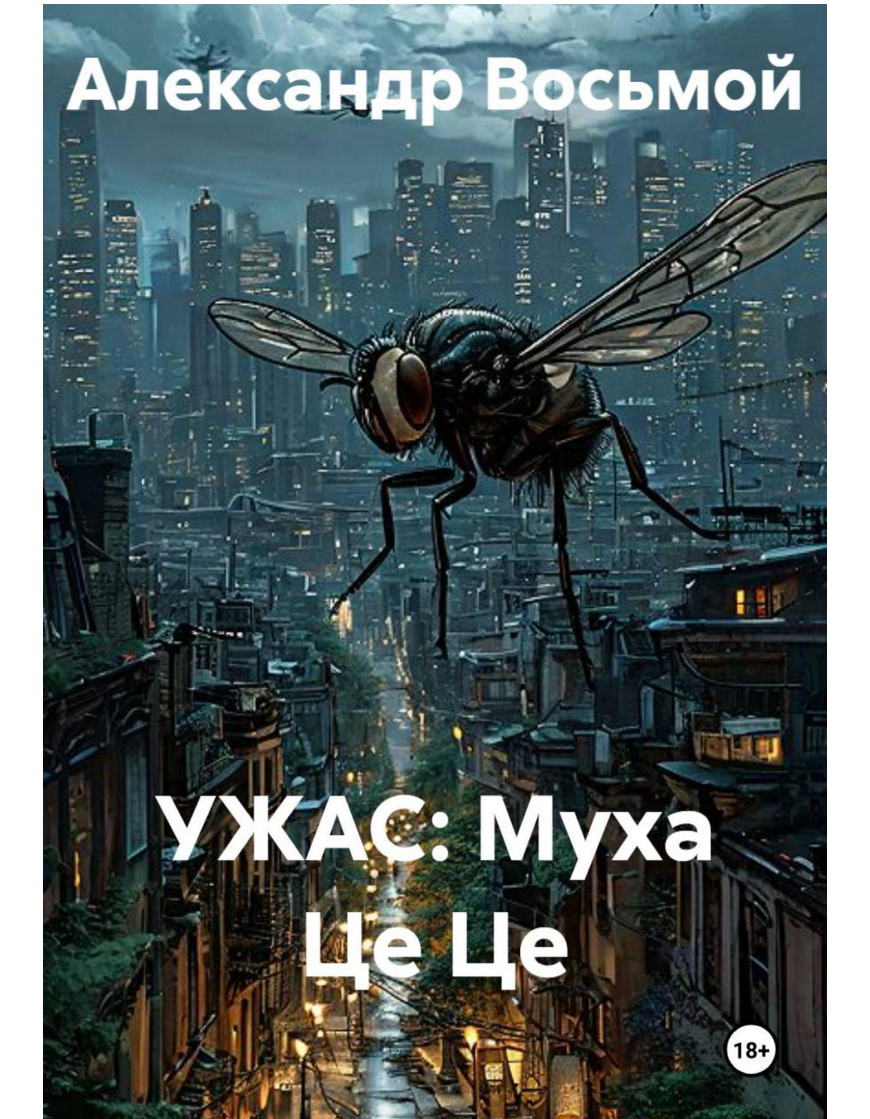

Александр Восьмой

УЖАС: Муха
Це Це

18+

Александр Восьмой

УЖАС: Муха Це Це

<https://litres.ru/74197348>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город, который когда то гудел жизнью, теперь дрожит от тихого, ледящего душу жужжания. Муха «Це Це» несёт смерть не ударом, а коварной тишиной: она откладывает личинки в головы людей — и те, ещё вчера бывшие соседями и друзьями, бьются в агонии, теряя себя. По ночам город замирает: люди боятся закрыть глаза, ведь сон может стать последним.

В эпицентре кошмара — Кайто и горстка выживших, которым приходится сражаться не только с монстрами, но и с самой тенью человечности: заражённые эволюционируют, становясь неотличимыми от обычных людей. Ложь прячется в улыбках, предательство — в спокойных голосах, а каждый шаг грозит стать роковой ошибкой.

Аниме эстетика усиливает контраст: ослепительные вспышки битв, замедленные мгновения перед ударом, резкие переходы от тишины к хаосу. Но страшнее всего не монстры — а понимание: победа может оказаться иллюзией. Ведь где то в темноте уже снова слышится едва уловимое жужжание Кошмар не закончился. Он только набирает силу.

Александр Восьмой

УЖАС: Муха Це Це

Глава 1. «Тихий вечер, что стал последним»

Солнце садилось за крыши панельных домов, окрашивая город в цвета остывающей крови — багровый, тёмно-оранжевый, почти чёрный по краям. Для Кайто этот вечер должен был стать обычным: домашка, пара серий аниме, ужин, который мама оставит на плите, и потом — в кровать, чтобы завтра снова тащиться в школу. Но воздух уже был не тот.

Он шёл по переулку, где каждый фонарь казался слишком тусклым, а тени — слишком глубокими. Кайто поёжился, хотя вечер не был холодным. Просто что-то внутри подсказывало: не торопись домой. Не смотри по сторонам. Не верь тишине.

А тишины было слишком много. Ни лая соседской собаки, которая обычно встречала его у поворота. Ни криков мальчишек с площадки. Ни даже привычного гула машин вдалеке. Город будто затаил дыхание.

Кайто свернул к своему подъезду и замер. Дверь в квартиру мистера Танаки, пожилого соседа, была приоткрыта. Это само по себе было странно: мистер Танаки никогда не оставлял дверь открытой. Он говорил, что даже сквозняк — это враг порядка.

— Мистер Танаки? — тихо позвал Кайто, чувствуя, как

голос дрожит, будто принадлежит не ему.

Ответа не было. Только из квартиры доносился странный звук — не то стон, не то хрип, переходящий в прерывистое, ритмичное жужжание.

Кайто шагнул внутрь. В прихожей пахло чем-то сладким и гнилым — так пахнет испорченный фрукт, который слишком долго пролежал в тёплом месте. Свет в коридоре мигал, отбрасывая на стены дёрганные тени.

В гостиной мистер Танаки лежал на полу, скрючившись, будто пытался обнять собственную боль. Его тело билось в судорогах, руки царапали ковёр, оставляя на нём тонкие полоски ворса. Глаза были широко распахнуты, но в них не было узнавания — только ужас, чистый и первобытный.

— Жужжит... — прохрипел мистер Танаки, когда Кайто бросился к нему. — Оно жужжит... внутри...

Кайто хотел спросить «что?», хотел сказать «я вызову скорую», хотел сделать хоть что-нибудь, но слова застряли в горле. Потому что в тот момент он тоже слышал это.

Жужжание.

Не снаружи. Не из окна. Не от лампы. Оно было повсюду — тонкое, настойчивое, будто кто-то водил остриём иглы по стеклу, только бесконечно, без остановки. И чем дольше Кайто слушал, тем сильнее казалось, что звук проникает не в уши, а прямо в кости.

Мистер Танаки вдруг резко выгнулся дугой, его пальцы впились в виски, словно он пытался выдавить из головы то,

что там поселилось. Из его рта вырвался крик — короткий, резкий, похожий на визг металла. А потом он затих. Только его грудь продолжала подниматься и опускаться, слишком быстро, слишком неровно.

И тут Кайто увидел её.

Муху.

Она сидела на краю лампы, чёрная, с глянцевыми крыльями, которые переливались маслянистыми оттенками фиолетового и синего. Она не двигалась — просто сидела, будто наблюдала. А потом медленно повернула голову — если у мухи вообще может быть голова — прямо на Кайто.

Время будто застыло. Кайто смотрел на неё, а она — на него. И в этом взгляде не было ничего человеческого. Только холод. Только голод.

Затем муха взмахнула крыльями — и звук стал громче, заполняя комнату, вытесняя все остальные мысли. Она поднялась в воздух, сделала круг над мистером Танаки и исчезла в тёмном углу.

Кайто отшатнулся, споткнулся о край ковра и упал, ударившись локтем. Боль была настоящей, резкой, отрезвляющей. Он вскочил на ноги и бросился к двери, едва не сорвав её с петель. Вылетел на лестничную площадку, захлопнул за собой дверь, будто это могло удержать кошмар внутри.

Но жужжание не осталось в квартире. Оно шло за ним.

Спустившись вниз, Кайто выбежал во двор. Там было пусто. Слишком пусто. И только где-то вдалеке, за пределами

его района, раздался ещё один крик. Потом ещё один. И ещё. Город просыпался. Или умирал.

Кайто прижался спиной к стене дома, пытаясь отдышаться. Его руки тряслись, а в ушах всё ещё звучало это проклятое жужжание. Он посмотрел на свои ладони, будто ожидая увидеть на них следы чего-то чужого. Но там была только грязь и ссадина от падения.

А потом он поднял глаза и увидел: в воздухе, над крышами, над улицами, над всем городом, кружились тысячи точек. Они сливались в тёмное облако, которое медленно плыло вперёд, пожирая свет.

Это был рой.

И он только начинал свою охоту.

Глава 2. «Шёпот в темноте: первые пропавшие»

Утро выдалось обманчиво спокойным. Солнце поднялось над городом, как ни в чём не бывало, заливая улицы золотистым светом, который совсем не сочетался с тем, что творилось внутри людей. Город пытался притворяться нормальным: где-то гудели машины, кто-то спешил на работу, бариста в кофейне привычно здоровался с постоянными клиентами. Но в воздухе витало напряжение — такое густое, что его можно было резать ножом.

Кайто стоял у школьных ворот, сжимая лямку рюкзака так, будто она была спасательным кругом. Он почти не спал: каждый шорох за окном казался крыльями, каждый скрип

половицы — шагом чего-то чужого. В школе всё было как обычно — и в то же время совсем не так. В коридорах шептались, голоса звучали тише, чем раньше, будто люди боялись, что звук привлечёт внимание.

— Ты слышал? — подошёл к нему одноклассник Рёта, нервно оглядываясь по сторонам. — Семья из дома напротив... исчезла. Просто не вышли утром. Дверь закрыта, свет не горит, телефон не отвечает. А у миссис Харады сын вернулся вчера вечером... но он... он не говорил. Просто смотрел. И моргал как-то... неправильно.

Кайто сглотнул. Ему не нужно было уточнять, что значит «неправильно». Он слишком хорошо помнил, как мистер Танаки смотрел сквозь него — будто видел что-то за пределами этого мира.

В этот момент к ним подошла Миюки. Её обычно аккуратные волосы были слегка растрёпаны, а в глазах читалась та самая смесь азарта и страха, которая бывает у тех, кто слишком близко подошёл к тайне. В руках она сжимала телефон, экран которого был усеян заметками и скриншотами.

— Я всё проверила, — быстро заговорила она, понизив голос, чтобы никто не услышал. — Пропавшие за последние сутки — все жили в радиусе трёх километров от старой биологической лаборатории на окраине. И знаешь, что ещё? В блоге одного из пропавших была запись про странные звуки по ночам и «чёрные пятна» на стенах подъезда. Это не совпадение.

Кайто нахмурился.

— Лаборатория закрыта уже лет десять. Там ничего нет.
Миюки усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— А ты уверен? Я нашла старые отчёты: лабораторию закрыли после «инцидента», но никто так и не сказал, какого именно. И ещё... — она поколебалась, будто решая, стоит ли продолжать. — В моём блоге кто-то оставил комментарий час назад. Один-единственный: «Они возвращаются». И IP-адрес был из района лаборатории.

Сердце Кайто пропустило удар.

— Что ты предлагаешь?

Миюки посмотрела на него прямо, без колебаний.

— Пойдём туда. Сегодня ночью. Если там что-то происходит, мы должны это увидеть.

Ночь накрыла город плотным покрывалом тьмы, и даже уличные фонари казались бессильными перед ней. Кайто и Миюки крались по заброшенному району, где дома стояли, как молчаливые стражи, с пустыми окнами, похожими на слепые глаза. Лаборатория возвышалась впереди — мрачное здание с выбитыми окнами и ржавыми решётками, словно специально созданное для кошмаров.

Они пробрались через дыру в заборе, стараясь не шуметь. Воздух здесь был тяжелее, гуще, будто пропитан чем-то чужим. Миюки достала фонарик, и тонкий луч света выхватил из темноты облупившуюся краску, граффити и... странные

чёрные пятна на асфальте. Они были похожи на высохшую кровь, но имели странный маслянистый блеск.

Внутри лаборатории пахло пылью, металлом и чем-то сладковатым — тем самым гнилостным запахом, который Кайто уже чувствовал вчера у мистера Танаки. Коридоры тянулись вперёд, как тёмные туннели, уводящие в неизвестность. Каждый шаг отдавался эхом, и Кайто ловил себя на мысли, что эти звуки слишком громкие, слишком резкие — они могли разбудить то, что лучше не тревожить.

Они добрались до главного зала — огромного помещения, где когда-то кипела работа. Теперь здесь царили запустение и тишина, нарушаемая лишь редкими каплями воды, падающими с потолка. В центре зала стояли металлические контейнеры — десятки, если не сотни. Их крышки были приоткрыты, будто кто-то или что-то недавно их открывало.

Миюки подошла ближе, её фонарик выхватил из темноты внутреннюю сторону крышки одного из контейнеров. Там были те же чёрные пятна, но теперь они выглядели иначе — как будто двигались, перетекая друг в друга, образуя странные узоры.

— Это не плесень, — прошептала Миюки, её голос дрожал, но она не отступала. — Это... живое.

И в этот момент они услышали это.

Шёпот.

Он не был похож на человеческий голос. Это был шёпот множества существ, сливающихся в единый поток звуков —

не слова, а скорее ритм, пульсирующий, как сердцебиение чего-то огромного и чуждого. Он шёл отовсюду: из стен, из пола, из самих контейнеров.

Кайто почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Он обернулся, пытаясь найти источник звука, но тьма поглощала свет фонарика, не давая разглядеть ничего дальше пары метров.

А потом что-то шевельнулось внутри одного из контейнеров.

Скрежет металла, тихий, едва уловимый, но от него кровь стыла в жилах. Крышка дрогнула, потом медленно поползла в сторону, открывая чёрную пустоту внутри. Из темноты показалось нечто — тонкие, изогнутые конечности, покрытые хитином, и глаза, которые не должны были существовать в этом мире.

Миюки ахнула и попятилась, но её нога зацепилась за какой-то предмет, и она упала, выронив фонарик. Луч света метнулся по залу, выхватывая на мгновение ещё несколько контейнеров, крышки которых тоже начинали двигаться.

— Бежим! — крикнул Кайто, хватая Миюки за руку и таща её к выходу.

Они мчались по коридорам, не разбирая дороги, спотыкаясь о разбросанные предметы и врезаясь в стены. За спиной слышался нарастающий гул — не просто жужжание, а хор тысяч крыльев, сливающихся в единую зловещую симфонию.

Вырвавшись наружу, они рухнули на землю, тяжело дыша, и только тогда Кайто заметил, что на рукаве Миюки сидит маленькая чёрная муха. Она не двигалась — просто сидела, будто изучая её.

Миюки не заметила. Она смотрела вперёд, на город, который уже не казался таким спокойным, как утром. Где-то вдали снова раздался крик — короткий, резкий, полный ужаса.

Кайто стёр муху с рукава Миюки, прежде чем она успела её заметить. Но он знал: это только начало. Рой пробуждался, и теперь он знал, где искать новые жертвы.

Глава 3. «Чёрное облако: рой выходит на охоту»

Ночь не пришла — она обрушилась на город, как удар молота. Ещё минуту назад небо было тёмно-синим, с редкими звёздами, которые казались хрупкими и неуместными. А потом звёзды исчезли. Их поглотило нечто иное — не тучи, не дым, а живая тьма.

Рой двигался, как единое существо. Тысячи, миллионы мух «Це Це» сливались в чёрное облако, которое пульсировало, будто дышало. Оно не плыло по ветру — оно само было ветром, холодным, липким, проникающим под кожу. И с каждым его движением город становился всё тише, потому что люди вдруг поняли: бежать некуда.

Глаза матери.

Юкико прижимала сына к груди, закрывая его лицо своим свитером. Они прятались в кладовке маленькой квартиры, где пахло сушёными травами и старыми газетами — запахом дома, который теперь казался чем-то из прошлой жизни. Мальчик дрожал, и Юкико шептала ему: «Не плачь, не плачь, они не услышат, если ты не будешь плакать». Но она сама едва сдерживала крик, потому что слышала, как что-то скребётся в вентиляционной решётке. Тонкие, сухие звуки, похожие на то, как ноготь царапает стекло.

Она посмотрела на часы. Стрелки замерли на 23:47. Или просто она перестала их замечать. Время потеряло смысл, когда в окно ударилась первая муха. Потом вторая. Потом десятки. Они бились о стекло, как капли дождя, только дождь не оставляет после себя маслянистых следов.

«Они выбирают тех, кто боится», — пронеслось у неё в голове. И она поняла, что уже проиграла.

Глаза полицейского.

Сержант Такахаси стоял посреди перекрёстка, где ещё час назад регулировал движение. Теперь здесь не было машин — только брошенные, с распахнутыми дверями, как раненые

звери. В руке он сжимал пистолет, хотя знал, что это бесполезно. Пули не остановят то, что не имеет тела.

Он стрелял в пустоту — в тени между домами, в провалы подъездов, в само небо, которое больше не было небом. Каждый выстрел отдавался в груди, как удар сердца, но эхо звучало всё глуше, потому что его заглушало жужжание.

Оно было повсюду.

Такахаси видел, как люди бежали, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова падая. Видел, как одна женщина застыла посреди дороги, подняла лицо к небу и закричала — и крик оборвался на полуслове, потому что в её рот влетела муха.

Он хотел подбежать, помочь, но ноги не слушались. Страх сковывал мышцы, делал их тяжёлыми, чужими. И в этот момент он понял: рой не просто охотится. Он питается страхом, как топливом. Чем сильнее ты боишься, тем ярче ты для него светишься.

Такахаси опустил пистолет. И прошептал: «Простите».

Глаза старика.

Господин Сато сидел на пороге своего дома, который простоял здесь восемьдесят лет и, казалось, должен был пережить всё. В руках он держал чётки и шептал молитвы — не на японском, не на английском, а на языке, который он почти забыл, языке своего детства. Он не пытался спрятаться. Он знал, что в его возрасте прятаться поздно.

Мухи кружились вокруг него, но не садились. Они вились, как дым, обтекая его, будто он был камнем в бурном потоке. Может быть, он не боялся. Или страх его был таким старым, таким привычным, что рой его не замечал.

А может, он просто ждал.

Когда облако над городом стало таким плотным, что поглотило даже свет фонарей, старик поднял голову и сказал вслух: «Ну, давайте. Я готов».

И в этот момент рой дрогнул. На секунду. Как будто услышал что-то, чего не ожидал услышать. А потом двинулся дальше.

Глаза Кайто и Миюки.

Они бежали по тёмным улицам, где тени стали длиннее и

гуще, будто сами хотели их схватить. Кайто тащил Миюки за руку, не оглядываясь, потому что знал: если оглянётся, то остановится. А остановиться — значит умереть.

Миюки споткнулась о бордюр, упала, и Кайто едва успел подхватить её, прежде чем она ударилась головой о бетон. В этот момент рой настиг их. Он не обрушился сверху — он просто стал воздухом, которым они дышали.

Кайто почувствовал, как что-то щекочет шею, и резко дёрнулся, стряхивая невидимое. Миюки всхлипнула, но тут же прикусила губу, чтобы не закричать.

— Туда! — Кайто указал на старый продуктовый магазин, у которого была железная дверь в подвал. Они ворвались внутрь, едва не сорвав петли, и захлопнули её за собой. Замок щёлкнул, как выстрел.

Внизу было темно, душно и пахло сыростью и плесенью. Но здесь не было жужжания. Здесь была тишина — тяжёлая, густая, давящая, но всё же тишина.

Они сели на пол, прижавшись спинами друг к другу, и только тогда позволили себе дышать.

— Мы живы, — прошептала Миюки, но голос её дрожал.

Кайто не ответил. Он смотрел в темноту, где свет фонарика выхватывал только куски реальности: ржавую лестницу, мешки с чем-то непонятным, паутину в углу. И ему казалось, что в этой темноте прячется что-то ещё. Что-то, что просто ждёт.

Сверху доносились крики, выстрелы, звон бьющегося стекла — и сквозь всё это пробивалось жужжание, становясь всё громче, всё настойчивее.

Кайто закрыл глаза и подумал: «Если мы выберемся отсюда, я больше никогда не буду бояться темноты. Я буду бояться тишины».

Чёрное облако накрыло город целиком. Оно не оставило ни одного уголка, куда можно было бы спрятаться. Но в этом подвале, среди пыли и старых коробок, двое подростков сидели, прижавшись друг к другу, и слушали, как мир вокруг них умирает.

И ждали рассвета.

Который, возможно, никогда не наступит.

Глава 4. «Личинки в голове: граница между человеком и монстром»

Комендантский час ударил по городу, как стальной занавес. В 21:00 улицы пустели, фонари гасли один за другим, и город превращался в лабиринт теней, где каждый шорох звучал как приговор. Но тишина не приносила покоя — она была натянутой, звенящей, будто воздух сам по себе вибрировал от напряжения.

Кайто стоял у окна своей квартиры, глядя на опустевшую улицу. Мама сидела на диване, не включая телевизор, не читая книгу — просто смотрела в одну точку, сжимая в руках старый шарф, который всегда брала, когда ей было страшно. Кайто хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но слова застревали в горле. Он не мог лгать. Никто не мог.

По радио каждые полчаса передавали одно и то же: «Оставайтесь дома. Не выходите на улицу. Если вы заметили у близких резкие движения, неестественную мимику или изменение голоса — не приближайтесь. Сообщите в штаб». Но Кайто знал: никто не сообщал. Потому что никто не хотел верить, что человек, который вчера заваривал тебе чай, сегодня может стать чудовищем.

Телефон завибрировал в кармане. Кайто вздрогнул, схватил его, как будто это могло спасти от реальности. Сообщение от Миюки: «Встретимся у старого книжного. Через

десять минут. Не один».

Он посмотрел на маму.

— Я... мне нужно кое-что проверить. Я быстро.

Она подняла на него глаза — в них читалась не злость, а усталость и страх, который она пыталась спрятать.

— Не задерживайся.

Кайто кивнул, не глядя ей в глаза, и выскользнул за дверь.

Лестница казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался эхом, и Кайто ловил себя на мысли, что прислушивается не к своим шагам, а к тому, нет ли за ним ещё чьих-то — лёгких, быстрых, слишком резких.

У книжного магазина его ждала Миюки. Рядом с ней стоял Рёта — тот самый одноклассник, который ещё вчера шептал Кайто про пропавшую семью. Но сейчас Рёта был другим.

Его движения были... неправильными. Слишком чёткими, как у заводной куклы: поворот головы — рывком, шаг — чёткий, без инерции. А когда он заговорил, голос прозвучал странно — будто внутри него говорили сразу несколько людей: один чуть выше, другой ниже, третий — совсем тихий, словно издали.

— Вы опоздали, — сказал Рёта. И в этом «вы» прозвучало что-то чужое, холодное.

Миюки побледнела, но не отступила.

— Рёта... ты как?

Он улыбнулся. Улыбка вышла неестественно широкой,

будто кто-то натянул его губы силой.

— Я в порядке. Лучше, чем когда-либо. Теперь я всё слышу. Даже то, что ты думаешь.

Кайто сделал шаг вперёд, не осознавая, что делает.

— Рёта, посмотри на меня. Это я, Кайто. Мы вместе на кружок по робототехнике ходили. Ты ещё говорил, что роботы никогда не будут страшнее людей. Помнишь?

Рёта замер. На секунду его лицо дрогнуло, будто маска треснула. В его глазах мелькнуло что-то знакомое — тот самый Рёта, который смеялся над страшилками и боялся пауков. Но потом маска вернулась.

— Это было раньше, — прошептал он, и голос снова стал многослойным. — Теперь я вижу мир иначе. Он такой... яркий. И шумный. Так много звуков. Они зовут меня.

Миюки схватила Кайто за рукав.

— Мы должны уйти. Сейчас.

Но Рёта уже смотрел не на них. Он смотрел куда-то сквозь них, будто видел что-то, чего они не могли увидеть. Его тело напряглось, как перед прыжком.

И в этот момент Кайто понял: перед ним больше не друг. Перед ним — существо, в котором человеческое боролось с чем-то чуждым. И, возможно, человеческое уже проигрывало.

— Рёта, — тихо сказал Кайто, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто он уговаривает испуганного зверя. — Если ты там, если ты слышишь меня... уходи. Найди место,

где тихо. Где нет жужжания.

Рёта медленно повернул голову. Его глаза были чёрными, почти без зрачков, и в них не было узнавания. Только холод.

— Тихо не бывает, — прошелестел он. — Оно везде. Оно в стенах. В воздухе. В вас.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Его движения становились всё резче, всё быстрее, будто кто-то ускорял его изнутри.

Миюки потянула Кайто назад.

— Бежим!

Они развернулись и бросились прочь, не разбирая дороги. За спиной раздался звук — не крик, не рывок, а что-то среднее между хрустом и жужжанием. Кайто не оглядывался. Он знал: если оглянётся, то увидит то, что сломает его навсегда.

Они спрятались в заброшенном кафе, где пахло старым кофе и пылью. Миюки прижалась к стене, закрыв лицо руками. Кайто сел рядом, пытаясь унять дрожь.

— Что с ним будет? — прошептала она, не поднимая головы. — Можно ли его спасти?

Кайто не знал, что ответить. Он думал о том, как отличить заражённого от человека. По движениям? По голосу? По глазам? Но что, если монстр прячется за самыми знакомыми чертами? Что, если он маскируется под того, кого ты любишь?

В этот момент по радио, которое Миюки вытащила из рюкзака, раздался голос диктора: «Внимание. По данным штаба, личинки в голове заражённых начинают влиять на нервную систему уже через 48 часов. Первые признаки: резкие движения, изменение тембра голоса, повышенная чувствительность к звукам. На поздних стадиях заражённые перестают реагировать на речь и проявляют агрессию. На данный момент эффективного лечения нет».

Миюки подняла на Кайто глаза, полные ужаса.

— Нет лечения...

Кайто сжал кулаки.

— Значит, мы найдём его сами.

Ночь тянулась бесконечно. Город за стенами кафе дышал, стонал, кричал. Где-то вдалеке снова раздалось жужжание — тихий, настойчивый звук, который проникал под кожу и заставлял кровь стынуть в жилах.

Кайто смотрел в темноту и думал о Рёте. О том, как легко стирается грань между человеком и монстром. И о том, что страшнее всего — не потерять друга. Страшнее — не успеть его спасти, пока в нём ещё оставалось хоть что-то человеческое.

А где-то в городе Рёта стоял на крыше здания, подняв лицо к небу, и слушал, как рой шепчет ему приказы. Его тело дрожало от напряжения, а в глазах не осталось ничего, кро-

ме холодной, чужой решимости.

Рассвет не обещал спасения. Он обещал только новый день — и новую охоту.

Глава 5. «Лаборатория теней: правда, которую скрывали»

Дождь шёл косо, будто пытался разрезать город на куски. Капли били по асфальту, по крышам, по плечам Кайто и Миюки, но они не замечали холода — их гнало вперёд не отчаяние, а надежда на то, что где-то есть ответ. Старый район, где пряталась заброшенная лаборатория, казался отрезанным от остального мира: фонари здесь не горели неделями, а тени лежали так густо, что в них можно было спрятаться — или из них могло что-то выйти.

Они пробирались через лабиринт пустых складов и ржавых контейнеров, прислушиваясь к каждому звуку. Миюки держала в руке самодельный шокер — не потому, что верила в его силу, а потому, что с ним ей было чуть спокойнее. Кайто сжимал в кармане нож, который нашёл в ящике стола отца. Он надеялся, что не придётся его использовать.

— Он должен быть здесь, — прошептала Миюки, указывая на полуразрушенное здание в глубине двора. Над входом висела табличка с облупившейся краской: «Сектор В. Доступ строго ограничен». — Я нашла упоминание в старых документах: доктор Харада, бывший ведущий исследователь. Он ушёл из проекта за месяц до закрытия лаборатории. И он

единственный, кто не исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.